

Х. Лопарев

**Древне-русские сказания о
птицах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Х11

Х11 **Х. Лопарев**
Древне-русские сказания о птицах / Х. Лопарев – М.: Книга по Требованию,
2014. – 54 с.

ISBN 978-5-4241-6890-1

Древне-русские сказания о птицах

ISBN 978-5-4241-6890-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Характерныя особенности разныхъ птицъ, подмѣченныя уже въ древнѣйшихъ памятникахъ человѣчества, подали поводъ къ иносказательному ихъ примѣненію къ людямъ съ ихъ разнообразнѣйшими характерами. Первоначальною литературною формою для выраженія аллегоріи была басня, изъ которой произошла комедія и сатира; что же касается до основаній для такого приуроченія, то тутъ видное мѣсто занимаетъ фізіологъ.

Птицы наравнѣ со звѣрями басни иносказательно представляютъ тотъ или другой образъ человѣка. Онѣ летаютъ, поютъ, проявляютъ тѣ или другіе присущіе имъ инстинкты, а вмѣстѣ съ тѣмъ говорятъ, то между собою, то со звѣрями, то съ человекомъ. Георгій Писсида въ своемъ „Шестодневѣ“ замѣчаетъ: „кто птицамъ языки изостри, аки арганскія пѣсни, яко и мнится общимъ баснописцамъ быти въ нихъ разумной бесѣдѣ“¹⁾. Представителемъ подобнаго рода произведеній на греческой почвѣ былъ, какъ извѣстно, Эзопъ, у котораго находимъ слѣдующій рядъ птицъ: алкіонъ, воронъ, ворона, галка, голубъ, гусь, жаворонокъ, журавль, куропатка, ласточка, лебедь, орелъ, павлинъ, пѣтухъ, соколъ (ястребъ, *ἰέραξ*), соловей и пр. Но басни его не оказали замѣтнаго вліянія на нашу древнюю письменность (до XVII вѣка). Птичья аллегорія изъ басни перешла въ діалогизмъ въ польской литературѣ XVI вѣка (Мик. Рея діалогъ *Ścis i kurem*), а въ русской литературѣ—въ XVIII вѣкѣ (діалогъ лисицы съ куромъ)²⁾.

Басенная аллегорія, принявшая вскорѣ характеръ сатиры, появляется затѣмъ въ извѣстной комедіи Аристофана *Ὄρνιθες*,

¹⁾ Пам. Др. Письм., 1882, XXXII. 28.

²⁾ Повѣсть zelo преюдна о куре и о лисци настоящаго сего нынѣшняго вѣка (рук. Археогр. Комм. 107—162 л. 53).

осиѣвающей сутяжничество Аэинянъ. Здѣсь поименованы птицы: алкіонъ, водолазъ (гагара? *κολομβίς*), галка, голубь, горлица, жаворонокъ, крапивникъ, куликъ (*έλεᾶς*), кукушка, куропатка, морской орелъ (*φάγην*), павлинъ, пустельга, пѣтухъ, сова, удождъ и мн. др. Нѣкоторые изъ нихъ являются совѣтниками людей: ворона руководитъ Писеетеромъ, галка Евелпидомъ и пр. Эти Аэиняне, избѣгая могущихъ быть процессовъ, отправились къ Тирею (удоду) съ просьбою сказать, какой городъ наиболее безопасенъ отъ сутяжничества. Слуга удода, крапивникъ, посоветовалъ имъ построить городъ въ воздухѣ, что тѣ и дѣлаютъ и переселяются сюда вмѣстѣ съ птицами. Однако и этотъ воздушный городъ не былъ оставленъ въ покоѣ: аэинскіе предсказатели и прорицатели и даже землемѣръ Метонъ стали являться сюда съ цѣлью поднять тяжёлое дѣло; наконецъ и сами боги явились съ жалобой къ птицамъ.

Говоря о птичьей литературѣ, невозможно пройти молчаніемъ востокъ, страну, въ которой быть можетъ больше, чѣмъ гдѣ либо, сказывалась потребность въ образахъ, картинахъ и аллегоріяхъ. Во главѣ стоитъ индійская Панчатантра (до VI в. по Р. Хр.) и особая ея версія Karataka и Domanaka съ разнообразными редакціями и переводами: пехлевійскимъ, арабскимъ (*Kalilah wa Dimnah*, VIII в.), персидскимъ (IX—X в., *Anwar-i Suhaili* XII в., *Ayari Danish* 1593 г.), греческимъ (*Στεφανίτης καὶ Ἰχθυλάτης* XI в.), санскритскими же *Kathā-Sarit-Sāgara* и *Hitopadesha* (XII в.), еврейскимъ (*Directorium humanae vitae* XIII в.), турецкимъ (Гумайюнъ-Наме XVI в.), славянскимъ (XIII и сл. в.), нѣмецкимъ (XIV в.), французскимъ (1556 г.), англійскимъ (1570), датскимъ (1618 г.), голландскимъ (1623 г.), и т. д. ¹⁾ Въ общихъ чертахъ, во всѣхъ этихъ памятникахъ выводится царь левъ (индійскій царь) со своими совѣтниками—звѣрами и птицами, которые преподають ему совѣты житейской мудрости, морали и политики въ видѣ басенъ. Птичья

¹⁾ Переводныя изданія этихъ памятниковъ указаны О. Булгаковымъ въ «Стефанитъ и Ихтилатъ» (изд. Общества, 1877, XVI); славянскіе списки и Редакція рассмотрѣны А. Викторовымъ въ «Стефанитъ и Ихтилатъ» (изд. Общества, 1880—81, LXIV и LXXVIII).

аллегорія на арабской почвѣ не замедлила принять философско-религіозный характеръ, являясь литературною формою для описанія богословскихъ споровъ въ области ислама. Въ X столѣтіи арабскій писатель Schahrazūī въ своемъ „Спорѣ между человѣкомъ и звѣремъ“ выводитъ на сцену царя Bivāgasr Мудраго, передъ которымъ и происходитъ этотъ споръ. Посоль Бивараспа является къ птичьему царю Schahmugh, который собираетъ черезъ своего визиря павлина всѣ роды пѣвчихъ птицъ съ суши и съ моря: удода (шпіона), голубя (путеводителя), рябчика (герольда), фазана (пѣвца), жаворонка (оратора), соловья (подражателя), ласточку (архитектора), ворона (предсказателя), журавля (стража) и т. д.; изъ нихъ депутатомъ къ царю Бивараспу посылается ночной соловей, какъ самый краснорѣчивый. Затѣмъ посоль является къ другому птичьему царю, грифу, который собираетъ хищныхъ птицъ: коршуна, орла, ястреба, сокола, филина, попугая и др., и посылаетъ къ царю Бивараспу филина. Въ спорѣ принимаютъ участіе разныя партіи: иракъцы, индіане, евреи, сирійскіе христіане, кораншиты, греки, хорасанцы, персіане и т. д.; изъ него выясняется вопросъ о магометанской сектѣ X столѣтія „Чистыхъ Братьевъ“ или „Благородныхъ Друзей“, апологія которой и дается въ сочиненіи ¹⁾). Птичья аллегорія въ XII — XIII вѣкѣ, подъ перомъ Azz-Eddin Elmocadessi, приняла морально-сентиментальное направленіе. Въ сочиненіи „Птицы и цвѣты“ этотъ писатель предложилъ между прочимъ разговоры птицъ: ворона, голубя, грифа, ласточки, павлина, попугая, пѣтуха, совы, сокола, соловья, удода, утки и пр., но всѣ они носятъ отпечатокъ мистической или спиритуалистической, составляющей особенность ученія софи о познаніи Бога ²⁾). То же должно сказать и о литературѣ турецкой, гдѣ птицы аллегорически представляютъ извѣстныя партіи въ богословской и политической борьбѣ между правовѣрнымъ мусульман-

¹⁾ Der Streit zwischen Mensch und Thier, ein arabisches Märchen übers. von Fr. Dieterici. Berlin 1858, S. 60, 72 и пр.

²⁾ Les oiseaux et les fleurs, allégories morales d'Azz-Eddin Elmocadessi, publ. par M. Garcin. Paris 1821, p. 44 sq. Указаніемъ на оба сочиненія мы обязаны любезности барона В. Р. Розена, которому приносимъ глубокую благодарность и за самыя книги.

ствомъ и суфическимъ дервишизмомъ , борьбѣ, достигшею апогея въ половинѣ XVII столѣтія. Въ сочиненіи Бульбуль-наме ¹⁾, докладъ о которомъ читанъ проф. В. Д. Смирновымъ въ засѣданіи Имп. Русскаго Археологическаго Общества 29 февраля текущаго года, представленъ также разговоръ птицъ. Совѣтниками царя Соломона являются кромѣ людей и птицы. Однажды соловей (самка) скрылся въ уединенное мѣсто, куда потомъ прилетѣлъ и другъ ея (самецъ), сперва было отказавшійся отъ этой уединенной прогулки. Воронъ, негодуя на праздно - пріятное проведеніе ими времени, предъявилъ жалобу Соломону, заподозривъ нравственность ихъ поведенія. Лже-свидѣтелями его явились: коршунъ, куропатка, дикій голубь, воробей, попугай, страусъ, соколъ и др. птицы. Соловей былъ позванъ на судъ, и Соломонъ потребовалъ отъ ворона болѣе вѣскихъ основаній для обвиненія соловья. Обвиняемый между тѣмъ доказалъ лже-свидѣтельство, поочередно характеризуя каждую птицу съ очень худой стороны. Окончательному оправданію его способствовали лишь двѣ птицы — ласточка и горленка, давшія самыя лестныя показанія въ пользу соловья, такъ что когда онѣ стали на его сторону, Соломонъ, оправдавъ соловья, осудилъ ворона на яденіе падали. Въ другомъ того же рода турецкомъ сочиненіи *Бульбулійѣ* нѣкоего Бири-эфенди (начала XVII вѣка), въ рукописномъ сборникѣ Ученнаго Отдѣленія М-ва Иностранныхъ Дѣлъ, № 412, также изображается судебное состязаніе птицъ въ присутствіи Соломона. Дѣло началось сходно съ предыдущимъ. Соловей (представитель суфизма), влюбленный въ розу, удалился и въ уединеніи сладко пѣлъ. Врагъ его воронъ, посоветовавшись съ попугаемъ (самымъ ученымъ) и соколомъ (птичьимъ губернаторомъ), привлекъ соловья къ отвѣтственности передъ Соломономъ. Когда обвиняемый явился на судъ, птицы набросились на него, но были призваны къ порядку; тѣмъ не менѣе онѣ выставляли его гордецомъ, пьяницею, разгульнымъ кутилой. Но отъ нихъ потребовали болѣе основательныхъ мотивовъ для обвиненія. Въ виду сбивчивости показаній обвинителей рѣшено было

¹⁾ *Бульбуль-наме* въ турецкомъ подлинникѣ напечатано въ Казани въ 18.. году.

пригласить на судъ куфа (сову), который оказался также представителемъ суфизма и который напалъ на попугая, поддерживаемаго другими птицами. При этомъ обнаружались качества птицъ: соколы представлень какъ кровопійца, ястребъ — хищный мясожоръ, орелъ злодѣй, пожирающій падалъ, аистъ безвредный дуракъ, куропатка завистникъ, воробей лукавый, плуть, который воруетъ овесъ, но зато попадаетъ и въ сѣть, и т. д. Соловей въ концѣ концовъ произнесъ пламенную рѣчь (въ защиту дервишизма), рѣшительно подѣйствовавшую на Соломона, и былъ освобожденъ отъ наказанія. Главные истцы: воронъ, ворона, коршунъ и сорока, опасаясь должника возмездія, бѣжали, а остальныхъ птицъ чауши разогнали по домамъ.

Съ востока, со временъ крестовыхъ походовъ, птичья литература проникла во Францію, гдѣ нашла себѣ выраженіе въ памятникахъ XII и слѣдующихъ вѣковъ. Въ фавль о Флорансѣ и Эглантинѣ (иначе *Le jugement d'Amour*) птицы-бароны засѣдаютъ въ совѣтѣ бога любви (Амура) и присутствуютъ при спорѣ Флорансы, идеалъ которой красавецъ рыцарь, и Эглантины, предпочитающей молодаго клерика. За рыцаремъ заступаетъ попугай, за клериковъ ястребъ, соколъ, жаворонокъ и особенно соловей; въ результатѣ состязанія наиболѣе достойнымъ обожателемъ объявленъ клерикъ ¹⁾. Въ XIII вѣкѣ въ птичьихъ разговорахъ также обнаруживается элементъ любви: достаточно по этому поводу отмѣтить *Le bestiaire d'amour* и *Li consaus d'amors* Ришара де Фурнивала ²⁾.

Въ нѣмецкой (латинской) литературѣ XVI столѣтія птичья аллегорія усвоена была виттенбергскимъ поэтомъ Иоганномъ Маіоромъ (*Meier*, † 1600). Въ поэмѣ *Hortus Libani* послѣдній вывелъ современныхъ ему богослововъ подъ видомъ птицъ. Въ другомъ своемъ стихѣ *Synodus avium* (1557 г.), посвященномъ вопросу о

¹⁾ *Fabliaux ou contes, fables et romans du XII et XIII siècle*. extr. par *Legrand d'Aussy*. Paris 1829, P. 306—314; ср. «Исторія французской литературы, по Demogeot и др.» Спб. 1887. I. 144.

²⁾ Первый изданъ С. Hippau (Paris 1860); ср. р. XLI. О птицахъ на «Звонящемъ островѣ» (*isle sonnante*) въ сатирическомъ смыслѣ см. *Fr. Raibetis*. Оевтес. Paris 1841 p. 462 sq.

состязаніи филиппистовъ (партіи Меланхтона) и флакіановъ (партіи Франковиція), онъ вывелъ современниковъ въ слѣдующемъ рядѣ птицъ: воронъ, галка, голубъ (еп. Вергерій), черный дроздъ (Ник. Амсдорфъ), жаворонокъ (Юг. Матезій), *fringilla* (Юах. Камерарій), крапивникъ (Дав. Хитрей), кукушка (Фл. Франковицій), *cuculus* (Густъ Меній или Виттенбергская Академія), лебедь (Март. Лютеръ), лысуха, пегоръ (Юах. Морлинъ), пѣтухъ (Ние. Галль), соловей (Фил. Меланхтонъ), сорока (Викт. Штригель или Юг. Златоковачъ), сычъ, фениксъ (Георгъ Фабрицій), филинъ, щегленокъ, ястребъ, и т. д. Какъ извѣстно, по смерти Лютера (*cuculus*, 1546) главнаго вожака реформаціи не стало. Между самими протестантами начинался расколъ. Въ 1557 г. къ Меланхтону приходило два посольства съ цѣлью объединенія всѣхъ партій, но согласія не послѣдовало. Однѣ птицы желали ижѣть во главѣ религіознаго движенія *siculum* (Флакія), другія *gallum* (Галла), третьи *meulam* (Амсдорфа), но лучшія, по мнѣнію Маіог'а, стояли за *philomela* (Меланхтона) ¹⁾. Сочиненія Юганна Маіогъ внесены въ *index librorum prohibitorum*.

Въ чешской литературѣ XIV столѣтія птичья аллегорія, подъ перомъ Яна Смиля Фляшки изъ Пардубиць, приурочена была ко двору Вацлава IV. Въ своемъ Новомъ Совѣтѣ (*Nová Rada*, 1394—1395 = *Therjobulia*, Краковъ 1521 и пр.) Смиль представляетъ царя льва и совѣтъ его, состоящій изъ князей и пановъ. „Совѣты звѣрей состоятъ главнѣйшимъ образомъ въ общей благочестивой морали“, но на ту же тему бесѣдуютъ и птицы: воробей, голубъ, горлица, гусь, лебедь, дунь, ногъ, орель, павлинъ, попугай, соколъ, соловей, тетеревъ, и пр.; напр. орель „проповѣдуетъ о страхѣ Божиємъ съ примѣрами изъ св. писанія, а лебедь заканчиваетъ совѣтъ

¹⁾ *B. G. Struvius. Acta litteraria ex mss eruta. Jenae 1706, IV. 17 — 34* съ примѣчаніями Веллера. Слѣдуетъ отличать нашего Маіог'а отъ Георга Маіогъ († 1574), также боровшагося съ Амсдорфомъ. Въ исторіи реформаціи этотъ вопросъ почти обходится молчаніемъ; вотъ однако специальное сочиненіе: *Acta Philippica sive theologorum saxonico-rum et legatorum megapoliensium frustra tentata pacificatio inter Ph. Melancthonem et Matthiam Flacium Illyricum... a Joh. Bacmeistero. Tubingae 1719.*

проповѣдью о страшномъ судѣ; но общая мораль примѣняется иногда ближайшимъ образомъ къ чешскому быту; авторъ въ своей аллегоріи даетъ королю смѣлые и благоразумные совѣты, которые выгодно свидѣтельствуютъ объ общественномъ характерѣ писателя-пана¹⁾.

Кромѣ басни, комедіи и сатиры, птицы наравнѣ со звѣрями появляются еще въ греческомъ памятникѣ „Физиологъ“, родиной котораго была Александрія, а время составленія II—III вѣкъ по Р. Хр. Сюда вошли слѣдующія птицы: аистъ, воронъ, ночный вранъ, выпь, голубь, горлица, дятель, ибисъ, коршунъ, ласточка, орелъ, павлинъ, пеликанъ, рябъ (куропатка), страусъ, фениксъ, харадръ, цапля и др.²⁾. Здѣсь характеръ сказаній о птицахъ естественно-историческій. Благодаря своей толковательной части, физиологъ въ греко-римской средневѣковой литературѣ получилъ громадное распространеніе и оказалъ весьма замѣтное вліяніе на другіе византійскіе памятники, напр. на Толковую Палею, на сочиненія извѣстнѣйшихъ отцовъ церкви (Василія Великаго, Григорія Богослова), но былъ весьма мало распространенъ въ древне-русской литературѣ (до XVI вѣка),—наибольшею популярностью пользовалась у насъ толковая Палея, какъ памятникъ церковной (хотя и отреченной) письменности. Въ Палею вошли слѣдующія птицы: алконость, воронъ, голубь, горлица, гусь, дятель, згула (гогзуля), ласточка, неасытъ, орелъ, пятакъ, рябъ, стерхъ, фениксъ, щуръ и пр.³⁾. Въ свою очередь Палея вмѣстѣ съ святоотеческими свидѣтельствами послужила источникомъ для древне-русскихъ азбуконниковъ, по которымъ предки наши познакомились съ особенностями нѣкоторыхъ птицъ „отъ писанія“. Въ азбуконники вошелъ слѣдующій рядъ птицъ: алконость, ласточка, стергъ (неасытъ), струоокамель, фениксъ, харадръ⁴⁾.

¹⁾ Památky staré literatury české, ed. I. (ebauer. Praha 1876, I; ср. А. Пыпинъ и В. Спасовичъ. Исторія славянскихъ литературъ. Спб. 1881, II, 826.

²⁾ А. Карпеевъ. Матеріалы и замѣтки по литер. исторіи физиолога. Спб. 1890; его же Der Physiologus въ Byzant. Zeitschrift, Hrsg. von K. Krumbacher, 1894, S. 26 ff.; Fr. Lauchert. Geschichte des Physiologus. Strassburg 1889, S. 236 ff.

³⁾ Кн. П. П. Вяземскій. Собраніе сочиненій. Спб. 1893 стр. 32 и сл.

⁴⁾ А. Карповъ. Азбуконники. Алфавиты иностранныхъ рѣчей. Каванъ 1877 стр. 277—282.

Физиологъ на французской почвѣ существовалъ уже въ XII столѣтїи: отъ 1125 г. мы имѣемъ Бестиарій Филиппа de Thaun. въ которомъ идутъ разсужденія о животныхъ, птицахъ и драгоценныхъ камняхъ¹⁾. Въ польской литературѣ онъ извѣстенъ лишь съ 1534 года: въ этомъ году появилось сочиненіе Ст. Фалимира *O ziolach y o moczy gich; o paleniuw odek z ziol; o oleykach przugrawianiu; o rzechach zamorskich; o zwierzetach, o ptaczeh y o gibach, o kameniu drogim*²⁾. Образы и картины физиологическаго характера примѣнительно къ разнымъ классамъ и состояніямъ общества существовали на западѣ также съ давняго времени. Такъ въ отношеніи къ церкви примѣнялась голубица (Пѣснь Пѣсн. VI. 8), къ предстоятелямъ церкви—Ноевъ голубь (Быт. VIII. 11) и бдительность пѣтуха (Иовъ XXXIX 1), къ слушателямъ юность орла (Псал. CII. 5) и прїятность соловья, къ подданнымъ шея воробья (Левит. V. 8), къ матери ласточка, къ супругамъ алкіонъ (*alcedo*) и голубь, къ родителямъ орелъ (Второз. XXXII. 11), къ худымъ родителямъ аистъ, къ учителямъ курица, къ дурнымъ учителямъ гусь, къ лѣнивому ученику попугай, къ господамъ орелъ, къ рабамъ журавль, ко вдовамъ ястребъ, голубь и сорока, къ старикамъ пѣвїе лебедя, къ тираннамъ и безбожнымъ начальникамъ коршунъ, орелъ и грифъ, къ бунтовщикамъ аистъ, къ совѣтникамъ ястребъ, къ полководцамъ пѣтухъ и т. д.³⁾ Въ польской литературѣ представителемъ подобнаго рода памятникѣвъ былъ писатель XVI вѣка М. Рей, у котораго физиологическая окраска выразилась

¹⁾ *M. Fr. Mann. Der Physiologus des Philipp von Thaun. Halle 1884.*

²⁾ Полное заглавіе у *Th. Wierszowski. Polonica XV ac XVI ss. Varsovia 1889, I. 19.*

³⁾ *I. Herrenschildt. Multiplici rheticus sub imagine Ianus sive strenographia rhetica. Norimbergae 1625 p. 5 sq.* Птичья литература въ греческой и римской пословицѣ собрана *C. S. Köhler. Das Thierleben im Sprichwort der Griechen und Römer. Leipzig 1881.* См. также *O. Keller. Thiere des class. Alterthums. Innsbruck 1887.* Объ аллегорическомъ значеніи птицъ: *I. V. Carus Geschichte der Zoologie. München 1872, S. 130 ff.;* Лаухертъ о. с.; *Le bestiaire. das Thierbuch des normannischen Dichters Guillaume Le Clerc, hrsg. von R. Reinsch. Leipzig 1890, S. 192 ff.* Указаніемъ на эти сочиненія мы обязаны И. М. Воддакову, которому приносимъ глубокую благодарность.

въ стихотвореніяхъ на тему, какъ люди представляли себѣ извѣстныя понятія и картины изъ прошлаго времени, jako starych wieków przypadki świeckie ludzie sobie malowali. Такъ лъстеца изображали въ образѣ ворона, схватившаго хомяка; мученье безъ вины представлялось въ видѣ ворона, преслѣдующаго голубя и понавшаго въ руки холопа; недовѣріе къ злomu—въ видѣ голубей, избѣгающихъ коршуна и ястреба; страхъ передъ смертью въ образѣ поущаго лебеда, безпечность въ жизни въ видѣ журавля, лакомку въ видѣ аиста или бусела (bosian), лгуна и дурака въ образѣ сойки; къ тѣмъ, кто закладывалъ свою свободу, примѣнялась сцена съ соколомъ; надменный дуракъ изображался въ видѣ павлина, непостоянство въ видѣ ласточки, терпѣливость въ образѣ голубя, осторожность въ видѣ орла, трудъ въ видѣ скворца, летающаго по полю, и т. д. ¹⁾. Этого рода литература, какъ кажется, нашла себѣ выраженіе и на русскихъ старыхъ изразцовыхъ печахъ, испещренныхъ подобными картинками съ текстомъ.

Итакъ съ одной стороны птицы басни перешли въ комедію и сатиру, а съ другой онѣ изъ библіи, фізіолога и изъ сочиненій отцовъ церкви перешли въ толковую палею и азбуковники и появились на западѣ и въ Польшѣ въ литературѣ общественно-бытовыхъ картинокъ. Нѣчто подобное мы можемъ теперь сказать и въ отношеніи литературы старо-русской, въ которой замѣчается тоже направленіе.

1. Аналогію къ чешской Rada мы имѣемъ въ „Совѣтъ птичьемъ“, дошедшемъ въ двухъ извѣстныхъ намъ рукописяхъ прошлаго столѣтія—въ сборникѣ Имп. Публ. Библ. (О. XVII. 17), указаніемъ и копіей съ котораго мы обязаны Л. Н. Майкову (для краткости П¹), и въ сборникѣ, принадлежащемъ крестьянину с. Самарова (Тобольской губерніи) Федору Кузнецову, списокъ съ котораго мы вывели въ поѣздку прошлаго года (для краткости С). Вторая рукопись датирована 1758-мъ годомъ: „1758 году октя-

¹⁾ *Mik. Rej. Zwierzinnic w ktorym rozmaitych stanow ludzi, żwirzath y ptakow katalty, przypadki y obycajze sa wlasnie wypisane...* 1562 года, wyd. W. Bruchnalski, Kraków 1895 p. 214 s.

бря 3 дня сия книга Самаровского яму ягъщика Івана Шаламова, писалъ своеручно“. Шаламовъ, попомки котораго живутъ въ Самаровѣ и въ настоящее время, былъ человекъ богатый и имѣлъ значительныя торговыя связи съ разными мѣстностями. Въ этихъ рукописяхъ содержаніе „Совѣта“ не отличается ни полною тождественностью, ни сохраненіемъ одного и того же порядка въ перечнѣ птицъ: въ П¹ 39 птицъ, въ С—35; для лебеда, филина, луна, дрозда и ветвина въ П¹, нѣтъ соотвѣтствія въ С; съ другой стороны, для курицы и куропашки въ С, нѣтъ соотвѣтствія въ П¹. И если мы положимъ въ основу П¹ и соотвѣтственно съ нимъ расположимъ содержаніе С, то получимъ пять недочетовъ въ С и два въ П¹. Недочеты эти, конечно, случайнаго свойства ¹⁾ и объясняются тѣмъ, что сказаніе это, прежде чѣмъ оно было записано, долго жило въ устахъ народа, подвергалось и дополненіямъ и случайнымъ сокращеніямъ въ виду самаго свойства изложенія, въ которомъ не замѣчается связи между разсужденіями отдѣльныхъ птицъ: различныя преданія естественно могли дать и иной распорядокъ сказаніямъ, причемъ утрата тѣхъ или другихъ звеньевъ изъ ихъ состава становилась легко возможною.

Критеріемъ для возстановленія текста нѣкоторыхъ частей „Совѣта“ является, помимо сличенія двухъ списковъ, та характерная особенность, что птицы въ этомъ сказаніи начинаютъ свои разсужденія со словъ, отчасти сходныхъ въ звуковомъ отношеніи съ ихъ именами или, по крайней мѣрѣ, начинающихся съ той же буквы, какъ данная птица. Напр., *орелъ* первымъ словомъ произноситъ: *о горе*, птица *нагой* — *наги*, *кречетъ* — *крепко* и т. д. Однако, въ нѣкоторыхъ сентенціяхъ этого приближительнаго сходства не замѣчается, почему мы имѣемъ право видѣть тутъ испорченность текста. Напр., *соколъ* по одному списку говоритъ *согрешилъ*, по другому — *крепко согрешитъ*: очевидно, первый правильнѣе втораго; *журавль* говоритъ: *рады мы* (П¹) и *жадны мы* (С), — правильнѣе второй текстъ; равнымъ образомъ, *рыбъ* говоритъ: *че-*

¹⁾ По всей вѣроятности, сентенція курицы въ П¹ соединена съ сентенціею жемны по недосмотру писца.